

Русский некрополь

ОЛЬГА НИКИТИНА
Журналист

Родилась в 1951 году в городе Советская Гавань (Императорская Гавань) Хабаровского края. В пятнадцать лет начала трудовой стаж литературным сотрудником в алтайской районной газете. В 1978 году окончила факультет журналистики Иркутского государственного университета. Работала в различных сибирских районных и областных газетах, но в 1981 году, в связи с первыми религиозными поисками, отказалась вступать в ряды КПСС и прервала журналистский стаж. В 1983 году в Бурятии возглавила работу по созданию историко-архитектурного комплекса «Старый Селенгинск». Тогда же, в Забайкалье, начала описывать старые русские кладбища, что стало одной из основных журналистских тем. С 1989 года живёт в Петербурге. С 1993 по 2000 год вместе с мужем историком А. Л. Никитиным (1956–2005) по благословию Митрополита Виталия (Устинова) (1910–2006) выпускала первый православный журнал российских приходов РПЦЗ «Возвращение». После посещения русских приходов в Европе и США обратилась к своей главной теме – описанию кладбищ. Занимается историей русской эмиграции, Русской Зарубежной Церкви.

СТА, VIATOR!

Открывая в этом номере новую рубрику «РУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ», мы постараемся отразить в очерках и статьях наших авторов историческое и современное положение русских кладбищ, как на родине, так и за рубежом. «От первого креста до последнего» — очерк, вставший в начале, — попытка представить общую картину и понять, каково будущее кладбищ. Называя XX век наиболее разрушительным для мемориальной культуры, всё же нельзя не отметить, что при любом политическом строе (исключая особо репрессивные его периоды) человек волен сам определять, следовать ли ему исторической традиции или предать её забвению. Можно, повинувшись веку, отстраниться от неё, «уйти на страну далече», долго блуждать вне своей культуры в лабиринтах иллюзий, но рано или поздно каждому предстоит возвратиться в отчий дом, в отечество. И тысячелетний период, сформировавший мемориальные традиции, и семидесятилетний, почти разрушивший их, в одинаковой мере — выбор человека. И сейчас на пороге Нового Времени есть много факторов, которые будут определять, каким же он будет.

Больше всего человек хочет, чтобы его помнили. Не зная часа смерти, он владеет «вечностью». Земная вечность — лукавое мудрование. Начало её в зыбкой тайне младенчества, образ и время которого человек будет определять и восстанавливать в памяти до самой смерти. Смерть другая тайна, не точка, но начало иного отсчёта времени. Две даты, между которыми поместится жизнь, не смогут отобразить ничего, кроме протяжённости, но и

она несовершенное определение времени. А далее — память живых, время, какое будет жить имя ушедшего, будут востребованными его дела, сохранится могильный холм, — лишь это в соединении с мёртвыми цифрами определит земную вечность. Время умножает время. Блаженный Августин писал о его тройственности, когда в душе человека приходят в действие «чаяние, созерцание и воспоминание», соединяющие *настоящее будущего, настоящее настоящего и настоящее прошлого*. Но человек, захваченный стихиями злых страстей, живущий первоочередным, привык ценить только настоящее и ожидать будущее. Прошлое — неудобноносимый груз. В нём след печали, стыда, вины, разочарований, — одним словом, всего того, что омрачает настоящее, и потому оно предаётся забвению. Но нет ни одной части времени, которое онтологически не мы сами. И наше «*настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое*» (Блаж. Августин). И только тогда мы начинаем ощущать и понимать ценность умноженного времени.

В нашей жизни немало мест, где зияют разрушительные дыры разомкнутого времени, но самая трагическая и ничем не прикрытая картина открывается на заброшенном, забытом людьми кладбище. Особо масштабные утраты мемориальной культуры произошли в XX веке — в советскую эпоху, отказавшуюся от сложившегося тысячелетнего уклада русской жизни, от трёхсотлетней империи, и не предложившую человеку почти ничего взамен. Новое общество только начинает понимать нравственную составляющую свершившейся перемены. Но цивилизация, ощутившая дух научно-технического прогресса, всё равно будет поглощена настоящим и устремлена в будущее. И лишь извечная мечта о счастье, о преодолении страданий и боязнь бесследного исчезновения с земли может стать поводом для граждан Нового Времени оглянуться назад. Туда — где остались родители. Туда — где сохранилось ещё кладбище — застывший, обездвиженный слепок с жизни, остановленное мгновение, безмолвное ожидающее селение, «место для складывания».

Русское кладбище в сложившемся для современного жителя виде и понимании формируется с принятием на Руси православия и возникает вначале в двойном образе «погоста» — постоянный двор, постепенно перерастающий в селение, где формировалась православная община, строились жилые дома и церковь в самом центре с кладбищем в её ограде (X век). Оба селения — и живых, и мёртвых — и были погост, и существовали, глядя друг на друга. Живые — научая глаза и душу образу смерти, чтобы не бояться её в нужный час; мёртвые — являя до времени образ вечного покоя. «*Кость присоединится к кости, сустав к суставу, и образуются жилы, плоть и кожа, и так возстанут (совершенные тела)*». Памятуя слова пророка Иезекииля, христиане берегли своих мёртвых, не сжигали тела, не отдавали их на растерзание зверям и птицам, а «складывали» (отсюда кладбище) до времени на определённом месте, воспринимая его точкой грядущего воскресения.

Если внук будет помнить и знать могилу деда, значит, научит этой памяти своего сына, и так до семи колен и далее не нарушится ход умноженного времени, ход вечности. Громадные надежды возлагались на из-

устную, сердечную и молитвенную память. В русской похоронной культуре долгое время не подписывались кресты и надгробные плиты. Можно объяснить этот факт всеобщим невлаждением письменностью, но куда более внятно всё объясняется молитвой из чина поминовения во Вселенскую мясопустную субботу: «Упокой их, Господи, иже здесь лежащих и во всяком месте владычества Твоего, всех правоверных мужей и православных христиан, иже преставльшихся от Адама и до сего дни отцы и праотцы, деды и прадеды от первых, даже и до последних..., усопших благочестно или в пустынях, или во градех, или в мори, или в реках, или во езерах, или на земли, во всяких местех... во всяком возрасте и роде и сподоби их, Господи, улучшить небеснаго Твоего Царствия, *а имена их, Господи, Сам Ты веси...*» Это и было главным нравственным мотивом не подписывать крест — он Христов.

Первые надписи появляются к XVI веку, хотя единично они встречались и гораздо раньше. Это были молитвы, цитаты из Евангелия, краткие имена почивших. В XVIII веке появляется эпитафия, как попытка обращения мёртвых к живым. Русское кладбище — лес, если оно сельское, парк-сад — если оно городское. В XVIII и XIX веках приняты прогулки по кладбищам. Под сенью вековых деревьев кладбищенский путник внимал голосам могильных эпитафий. Они зывали к памяти, к равнодушию, напоминали, что всякий тут будет. Русская литература, одарившая живых неподражаемыми произведениями, не обошла и кладбищенской темы. Известные и неизвестные поэты вложили в эпитафии самый сокровенный смысл.

Зачем они «заговорили»? И заговорили бы, будь в какой-то эпохе полная уверенность в том, что кладбище неприкосновенно, что прах свят. Кладбище — признанная и законная территория мёртвых. В русской традиции особенным образом отражается упование на эту территорию: родителей хоронили не на чужбине, а *дома*, гроб называли *домовиной*, благоустройство русской могилы напоминало *живой дом* с оградой и скамейкой, с некими домашними предметами (иногда с игрушками). Всё это являло трогательную попытку повторения *тёплого и вечного жительства* там, где давно властвует север. Даже опустевшее кладбище Церковь предписывала не трогать двести лет и уж ни в коем случае не отдавать его под пашню или под строительство. Российские законы в согласии с церковными не разрешали без особой на то нужды переносить прах с закрытого кладбища. Кладбище не могло быть частной собственностью, лишь приобретаемое место становилось семейным склепом на многие и многие века, конца которым не устанавливалось.

Но территория мёртвых с самого первого захоронения и во все последующие времена оставалась под угрозой захвата или разорения. Тому виной нашествия иноплеменных, межродовые распри и войны, природные стихии — наводнения, пожары, землетрясения, и на особом счету — человеческое беспамятство. В XV веке новгородский архиепископ Геннадий горько скорбит, глядя на разрушение древних некрополей при возведении кремлёвских стен: «*А ныне беда стала земская да нечисть государская великая: церкви старья извечныя выношены из города вон, да и монастыри*

извечные с места переставлены... Да паки сверх того и кости мёртвых выношены на Дорогомилово, инко кости выносили, а тела ведь тутю остались, в персть разошлись... А гробокопателям какова казнь писана!..» (Забелин И. Е. История города Москвы. С. 140, 141).

«Весь мир состоит из бывших кладбищ. Кто знает, над останками каких людей находятся жилые дома, площади, шедевры архитектуры, созданные руками человечества», — возразил защитникам уничтожаемого русского кладбища в Ферганской долине вызвавшийся оправдать снос М. Атаджонов. Но слова, произнесённые им, извечное человеческое оправдание и нападение одновременно. В этом или другом варианте их произносил всякий, кому приходилось и приходится сносить «город мёртвых» для нужд «города живых». В них отражается давно уставшая и капитулировавшая мораль живых, так и не сумевших взять на себя не снимаемый, не изменяемый нравственный груз ответственности за отеческие гробы. И те, кто уже ушёл, и те, кому это предстоит, понимали и понимают угрозу физического бесчинного попрания праха. «И мне печаль могил понятна и близка». И «голос из-под земли» не пугает, а звучит святой просьбой, предупреждением, предостережением, призывом к разуму: «вы забыли — и вас забудут», что является продолжением расторгенного времени.

Старые кладбища стремительно исчезают. Живущие не ощущают ни родственной, ни исторической связи с именами на последних крестах XIX века. Они и новые кладбища устраивают так, что прийти на родную могилу после всех унижений и глумлений циничных могильщиков желания не возникает. Стирая безжалостно старые кладбища, современники не церемонятся и с новыми. Двадцать лет отпускается покойнику, чтобы истлеть, а после бульдозер сравнивает площадку для очередного необходимого живым строительства.

Правильные слова, на мой взгляд, произнёс мулла на одной из конференций о кладбищах. «Всё, что возможно, — восстановить. Вскрыть асфальт, снести заводы и фабрики, и уж тем более разломать безжалостно всякие дома культуры (!), детские сады, школы, жилые дома, которые поставлены на костях». Кто ж на это решится и кто ж это допустит? Нам хотя бы уберечь от дальнейшего осквернения и отметить памятными знаками старые кладбища, являющие печальное зрелище.

Но пока ещё можно видеть образцы мемориальной культуры и погребальной традиции в отечестве — на чудом сохранившихся кладбищенских островках XVIII и XIX веков, в искусственно собранных некрополях, на старообрядческих кладбищах в глухих сибирских и северных краях или же в Прибалтике. Такими образцами могут послужить малоизвестные в России заграничные некрополи, на которых нашли последний приют русские эмигранты. Они расположены почти по всему миру, состояние их разное, но хранители умеют добиваться от чужого общества почтительного отношения к могилам.

Пока живы остатки русских кладбищ, старинных и новых, в отечестве и в рассеянии, попытка их описания видится нам как создание единого словесного поля памяти о прошлом, предупреждением о том, что мы можем

стать свидетелями не ушедшей, а уничтоженной с нашего согласия многовековой кладбищенской культуры.

Sta, viator! Стой, путник (странник)! В погребальной православной культуре «путь» — важнейшая семантическая тема начала и конца, «странник» — наиболее точный образ человека, временно обитающего на земле. К этому образу, то есть к нам, живым — отряхнувшим со своих ног память о прошлом, память образов предков, память смертную, — и обращён безмолвный язык ушедших: остановитесь, сохраните связь времён.

ОТ ПЕРВОГО КРЕСТА ДО ПОСЛЕДНЕГО?

1.

В XX веке из охваченной революцией и Гражданской войной Российской империи произошёл беспрецедентный исход русских людей. По разным оценкам, в эмиграцию ушло около трёх миллионов человек. «Жертвы революции и красного террора 1917–1926 гг. составили 20 миллионов человек. Стихийный, но умышленно не прекращённый голод в Поволжье 1921–1922 гг., а также страшный, искусственно устроенный коммунистами голод 1932–1933 гг. унесли ещё в общей сложности 13 миллионов человек. Одна коллективизация 1929–1933 гг. выселила с исконных мест до 15–20 миллионов крестьян... Более половины их погибли в невыносимых условиях Сибири и Севера, были сразу убиты 4 миллиона. Считается, что в тюрьмах и концлагерях 1930–1940 гг. погибло около 50 миллионов человек». Эти цифры приводит в своей книге «Великороссия. Жизненный путь» церковный историк, протоиерей Лев Лебедев (1935–1998), как свидетельство полной замены, своего рода селекции народа ради создания нового общества с новыми духовными ценностями. Слои за слоями исчезало народонаселение исторической России, бесхозными и брошенными становились не только самые необходимые для жизни предметы и строения, но и могилы. Тот факт, что наряду с первоочередными не вписывающимися в революционную идеологию политическими символами под горячую руку победившего пролетариата попали кладбища, не был удивительным: страна решительно отказывала всему «чуждому» прошлому, особенно религии. Но поражал размах борьбы с безответными селениями мёртвых. В дореволюционной сословной России были разные кладбища: православные, инославные, аристократические, крестьянские, городские, монастырские, военные, морские, тюремные, больничные, инфекционные и другие. Все они подверглись разрушительной стихии, которая не затухала семьдесят лет советской власти и по инерции продолжилась после её падения.

Объектами первого удара стали могилы русской аристократии, известных государственных деятелей, военачальников, священства. Они уничтожались самым варварским способом: надгробья, памятники и кресты разбивали, могилы оскверняли. Эта недобрая тенденция держалась очень долго и закончилась ли в наши дни, трудно сказать. Печальным подтверждением тому может послужить горькая судьба знаменитого некогда петер-

бургского кладбища Новодевичьего монастыря. Прекрасный, ухоженный, расположившийся среди вековых деревьев некрополь за два революционных года превратился в каменоломню. Высокохудожественные монументы и памятники срезали с постаментов, ценные надгробья вывозили. Ещё ходили по кладбищу смотрители и сторожа, но они уже были не в силах остановить мародёров, хотя и делали такие попытки. Вот строчки из обращения смотрителя кладбища в Московский райсовет, пытающегося обратить внимание на бедственное его положение: «...за 1917–1919 гг. большинство часовен разграблено, все ценности — ковры, занавески, серебряные венки и другие украшения украдены». Вскоре будут разграблены, а потом разрушены и разобраны на кирпич две церкви, стоящие на кладбище. Первая, именуемая «карамзинской», была возведена над могилой погибшего в Крымской войне Андрея Карамзина, сына великого русского историка, автора «Истории Государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (арх. Э. И. Жибер, церковь Божией Матери Всех Скорбящих Радосте, построена в 1856 г.). Вторую называли «громовской», она служила усыпальницей семьи лесопромышленника, известного в городе благотворителя и жертвователя монастыря Ильи Федуловича Громова (арх. Л. Н. Бенуа, церковь Ильи Пророка, построена в 1883 г.). Оба склепа сегодня в списке утраченных. Но в 1990-х годах даже уборщики указывали место могилы Андрея Карамзина: там стоял мусорный контейнер...

В Страстную ночь русского монашества — 17 февраля 1932 года — были проведены аресты по всем монастырям города. В Новодевичьем таких ночей было ещё две. Монастырь почти обезлюдел, но жизнь в нём как-то теплилась. А кладбище осталось без попечения и без охраны. В 1934 году его закрыли. К тому времени на нём было свыше 25 тысяч захоронений...

В 1935 году также разграбленное Ново-Лазаревское кладбище, переименованное большевиками в Тихвинское, объявили «некрополем мастеров искусств» (есть версия, что это было реализацией идеи М. Горького). В «некрополь» стали свозить имеющие большую (по мнению строителей) историческую и художественную ценность надгробья и памятники со всех известных кладбищ города, в том числе и Новодевичьего. При этом были уничтожены многие могилы на самом Тихвинском кладбище и также на всех других. Составленные в хаотичном порядке надгробья являют печальную картину. Благодаря этой сомнительной идее большинство подлинных могил мастеров искусств уже не найти никогда.

В конце 1960-х годов Новодевичьему кладбищу был нанесён ещё один сокрушительный удар: чью-то голову осенила идея сделать музеем само Новодевичье. Началось новое массовое уничтожение памятников, не вписывающихся в «экспозицию». Местные жители и сейчас с ужасом вспоминают дни, когда рабочие, обряженные в длинные брезентовые фартуки и резиновые перчатки до локтей (краги), разрывали могилы, вытаскивали полуистлевшие гробы и кости и всё это сжигали на больших кострах. Памятники разбивали, передвигали и нередко увозили с кладбища. По городу ходили далеко небеспочвенные слухи о продаже исторических надгробий кавказцам, об участии в этой бесстыдной торговле достаточно именитых

людей. Юридическим основанием для новой чистки кладбища стало решение Ленгорисполкома (от 16 сентября 1968 г.): «...ликвидировать на Новодевичьем кладбище могилы, которые не содержатся родственниками, и убрать надмогильные сооружения, не представляющие художественной и исторической ценности...» Но откуда было взяться родственникам генералов, действительных статских советников, гофмейстеров, дворян, графов, почётных граждан города, если все они высланы, посажены в лагеря и тюрьмы, расстреляны?

В 1969 году ситуация стала настолько циничной и невыносимой, что в печати появилось открытое письмо с подписями самых известных людей города и называлось оно одним словом — «Стыдно!» После этого и было проведено натурное обследование сохранившихся памятников, а вернее сказать, того, что осталось. Но и сегодня со всех сторон территорию кладбища активно «сокращают». Если на нём сохранилась тысяча-другая могил, то немногие из них имеют пристойный вид. Лишь пара аллей приведена в порядок, да несколько могил по различным мотивам особо посещаемы и любимы. К примеру, могила Вершининых, на которой чудом сохранилась скульптура Иисуса Христа (существует детективная история спасения этого изваяния). С момента закрытия монастыря она стала местом тайной молитвы. Говорят, что к этой могиле приходили молиться оставшиеся в живых монахини, наблюдавшие из этого угла кладбища, как расправляются с «бесхозными, непосещаемыми» монастырскими могилами...

Весь остальной «бесхоз» по-прежнему растаскивается через разные рукодельные калитки с задней непарадной стороны некогда знаменитого кладбища. И уже никто не укажет тысячи и тысячи могил граждан государства Российского, они утрачены навсегда.

2.

По понятным причинам непосещаемы оказались и кладбища времени Первой мировой войны (1914–1918 гг.). В СССР эту войну именовали империалистической, чуждой духу советского человека. «По целому ряду причин политического и идеологического характера эта война продолжает оставаться „войной без героев“. Многие её события озвучены только номерами армий, корпусов, дивизий или именами избранных военачальников и сухими формулировками оперативных документов. Каких-либо памятников павшим воинам или мемориалов на местах сражений практически не сохранилось...» (А. Ю. Егоров, И. В. Попов, С.-Петербург).

Первым официальным братским кладбищем в России стало Царскосельское, созданное в 1914 году по указу царя Николая II. И уже на второй день войны с Германией на кладбище был похоронен первый убитый русский воин. К 1918 году на Царскосельском братском кладбище захоронили более тысячи человек. Это было единственное братское погребение Кавалеров Ордена Св. Великомученика Георгия Победоносца Русской Гвардии. В сороковые годы XX века кладбище полностью исчезло, а половину его территории заняли современные могилы. Списки захороненных уда-

лось восстановить лишь частично. Но инициативная группа считает, что сохранить память о кладбище — святой долг и обязанность современников. В рубрике «Русский некрополь» об этом расскажет Владимир Николаевич Филиппов, петербургский скульптор и архитектор, руководитель творческого коллектива, создавшего проект памятника на Царскосельском Братском кладбище.

Не менее печальна и судьба московского Всероссийского Братского воинского кладбища — Всехсвятского или кладбища на Соколе. Оно было открыто 15 февраля 1915 года на землях старинного усадебного парка села Всехсвятского. В этот день состоялось официальное открытие, освящение временной часовни и проведены первые погребения. 6 августа 1915 года Великая княгиня Елизавета Фёдоровна основала тут же кладбище для сестёр милосердия. К началу революционных событий на Всехсвятском было похоронено 17340 нижних чинов, 580 офицеров, 38 общественных деятелей, 23 сестры милосердия и 14 врачей Русской Императорской армии. Это был самый большой в России некрополь Великой войны.

В 1920-е годы кладбище получило статус обычного городского, а вскоре и вовсе было закрыто для захоронений, но, по словам старожилов, оно не прерывалось до 1940-х годов. В начале 1950-х годов началась массовая застройка, что и стало началом тотального уничтожения Братского кладбища. Чудом уцелевшее надгробие над могилой георгиевского кавалера Сергея Шлихтера — это всё, что от него осталось... О длительной, трудной и подчас трагической истории борьбы за сохранение и восстановление этого кладбища в нашей рубрике расскажет член инициативной группы Лев Александрович Гицевич.

Но есть ещё кладбища и могилы воинов Первой мировой там, где проходили бои, — это нынешняя Беларусь, на территории которой фронт стоял два с половиной года. «Линия фронта между германской и российской сторонами протянулась с севера на юг почти на 400 километров, через нынешние Витебскую, Гродненскую, Минскую, Брестскую области. Во время войны вдоль линии фронта и в тылу противоборствующих армий возникли сотни воинских кладбищ, братских могил. Где они теперь? Приходится констатировать, что за прошедший XX век большинство их утрачены. Часть уничтожена безвозвратно в ходе строительства городов, прокладки дорог, расширения деревень, сельскохозяйственной деятельности и т. д. Ещё часть просто потеряна — забытые и заброшенные в лесах и полях, они постепенно сравнялись с окружающим их ландшафтом...» (В. Богданов, Минск).

Однако ревнителями истории выявлено более двухсот захоронений. Состояние только половины из них можно считать удовлетворительным. С помощью Народного союза Германии* в Беларуси восстановлены около

---

* НСГ — гуманитарная общественная организация по уходу за военными могилами, основана 16 декабря 1919 года, насчитывает 1,6 миллионов членов и спонсоров. Деятельность НСГ основана на Женевском соглашении и двусторонних договорах. Сегодня под присмотром Союза находится более 800 воинских кладбищ в 43 странах. Германия и Россия заключили межправительственное соглашение о защите воинских захоронений 16 декабря 1992 года.

тридцати кладбищ, на которых похоронены и немецкие и русские солдаты, но это тема для отдельного разговора. Большая часть захоронений в таком состоянии, что вскоре всякие ориентиры будут утрачены. Огромный урон наносят «чёрные краеведы», которые работают гораздо эффективнее поисковых отрядов, имеют чёткие сведения обо всех захоронениях. Без всякого стеснения они разоряют и заброшенные, и только что восстановленные могилы, оставляя после себя варварские раскопы.

Одно из самых больших братских кладбищ Великой войны было в Минске. Сейчас это печально известное место под названием «Сторожовка». О том, что здесь лежат несколько тысяч защитников «цельной ещё России», вряд ли знает большинство жителей города. До Первой войны это было обыкновенное православное кладбище. С началом войны здесь стали хоронить павших воинов. И огромное поле покрылось простыми крестами. После революции кресты исчезли, а после Второй мировой войны заросшее сорной травой пустое поле отдали под скотный рынок. Так «Сторожовка» стала беспмятным торжищем над могилами героев. А ныне здесь строятся многоэтажные доходные дома в прямом смысле слова на костях защитников Отечества, которые обнаруживают всякий раз при рытье котлованов и траншей. На многочисленные обращения людей Комитет по охране историко-культурного наследия при Министерстве культуры Беларуси (общественная организация) даёт следующее объяснение: «Исчерпывающих обоснований наличия в указанном районе военного кладбища времён Первой мировой войны и его уникальной значимости для истории Белоруссии, а также определения границ этого кладбища нет до настоящего времени». Но даже у немцев, приезжающих помогать восстанавливать свои и заодно русские могилы, есть все эти «обоснования». Есть они и у «чёрных краеведов».

Историки, краеведы, журналисты — люди, осознавшие, что остаётся последняя и совсем крохотная надежда на сохранение небольшой части некрополя Первой мировой войны, самоотверженно, не надеясь ни на какое материальное воздаяние, ни даже на моральное поощрение, поднимают заброшенные могилы из небытия, возвращают истории имена и биографии защитников Отечества. Лучшим примером может служить Крестный Марш воинского Братства во имя Святого Архистратига Божия Михаила (г. Ямбург). Своей целью они поставили воссоздание некрополя Белых Воинов на Северо-Западе России. Крестный марш, который ими определён как бессрочный, они начали в 1998 году. И выявили, описали более шестидесяти братских могил, кладбищ и отдельных захоронений. В ходе поисков документально установлены имена представителей именитых российских родов, воевавших в Северо-Западной армии. Среди них: правнук писателя С. Т. Аксакова — ротмистр П. А. Аксаков; три правнука героя Отечественной войны 1812 года графа П. П. Коновницына; юная внучка поэта Аполлона Майкова; праправнук генералиссимуса А. В. Суворова — ротмистр С. М. Леонтьев; правнук А. С. Пушкина и внучатый племянник Н. В. Гоголя — поручик артиллерии В. Н. Быков. Могила последнего обнаружена на Ивангородском погосте. Братство с большими трудами выпускает альма-

нах «Михайлов День» (редактор С. Г. Зирин), в котором публикует списки найденных и утраченных могил. И надеется, что настанет в России время, когда на вновь возведённых памятниках, «как на известном монументе под Фермопилами, будет надпись: странник, остановись... здесь лежат верные законам Отечества» (цит.: И. Бунин. Михайлов день. 2005. № 1).

Но пока в Российской Федерации нет даже официального дня памяти погибших в Великой войне, несмотря на огромные потери, выше которых не понесла никакая другая страна.

3.

Ко времени начала Второй мировой войны разрушения основ и традиций общественной городской и сельской жизни, образа и характера отношений между людьми стали уже достаточно ощутимыми. Пережившие революцию, коллективизацию, нищету, голод, прошедшие через горнило лагерей и «беломорканалов», отказавшиеся от Бога и от прошлого исторической России — такие вот «полноправные граждане» должны были олицетворять счастливое население СССР. В 1935 году Сталин произнёс знаменитую формулу «жить стало легче, веселее». К 1 мая 1937 года, согласно планам Сталина, «имя бога должно быть забыто на территории страны». Но проведённая по заданию партии перепись населения в том же 1937 году, на которую возлагались большие ожидания, дала невероятные цифры: рождаемость в России упала на 40 процентов ниже уровня 1927 года; более половины переписанного населения от 16 лет и старше открыто назвали себя верующими! И это несмотря на жесточайшие преследования религии, на истребление и закрытие храмов и монастырей. Собственно, похожую статистику можно было обнаружить всюду, где партия трубила о каких-то невиданных успехах. В том числе и о созданной в послереволюционные годы рабоче-крестьянской армии, о её боевом духе, уровне подготовки, о вооружении и обмундировании.

И вот эта война, развернувшаяся на огромном пространстве от Баренцева до Чёрного моря, для советской армии началась с массового панического отступления и такого же массового пленения бойцов. Всего за годы войны в плен попали 4,5 миллиона солдат (в разных источниках цифра варьируется от 3,5 до 5 миллионов), из них — до двух миллионов сдались добровольно. А на Украине, в Белоруссии, да и в СССР совсем не единичными были случаи встречи местным населением немецких войск хлебом и солью. Советские люди открыто и без принуждения желали бороться против ненавистного режима даже в рядах гитлеровцев. Война — смертельное испытание, и не каждый на ней герой, но и предателем становится не каждый. А когда счёт им идёт на сотни тысяч, возникает вопрос: был ли Советский Союз родиной для этих людей, были ли эти люди советскими? Или они до времени хранили другой образ родины, подвигнувший их пойти на «осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству», что было не совсем точно по русским реалиям обозначено европейским понятием «коллаборационизм». И это тоже

отдельная тема, к которой мы предполагаем вернуться в очерке «Символические могилы русской эмиграции». Приведённые цифры и поступки ярко свидетельствовали о том, что память о прошлой нормальной жизни невозможно было истребить ни тюрьмами, ни лагерями, ни тотальным уничтожением материальной культуры исторической России.

«В отечественную войну 1941–1945 годов, — продолжает о. Лев Лебедев, — потеряно со стороны России не 20 миллионов, как считалось раньше, а, по новым данным, примерно 63 миллиона...» Четыре с половиной миллиона наших соотечественников упокоились на 22 тысячах кладбищ 49 современных государств. А в СССР? Были ли они на самом деле или разоренная войной страна посчитала достаточным до лучших времён кое-как укрыть под холмами братских могил тысячи и тысячи своих героев? Можно ли найти какие-либо хотя бы приблизительные цифры, обозначающие количество лазаретных и военных кладбищ? Сколько их сохранилось, сколько исчезло?

И вот теперь самое время поговорить о кладбищах Второй мировой войны на территории бывшего СССР. Пожалуй, это самая сложная часть предпринятого очерка. Несмотря на огромное число погибших, в СССР таких кладбищ не было и нет. Попытки устроить военные кладбища не предпринимались и после её окончания.

А как хоронили погибших солдат? В первые дни войны по большей части вообще никак, советские войска отступали, оставляя на произвол судьбы и раненых, и убитых. Похоронных команд не было. И лишь весной 1942 года (год как идёт война, невероятное количество убитых!) Сталин особым постановлением обязывает создать специальные команды из местного населения, «силами которых провести на территории районов сбор, регистрацию (по имеющимся документам) и погребение трупов гражданского населения и оставшихся не захороненными трупов бойцов и командиров Красной Армии...» В каком положении были мирные граждане во время войны, описывать нет смысла. И потому ясно, что нормальных захоронений старики, женщины и дети произвести не могли, не говоря уже об установлении имён погибших. Ведь приказом № 376 от 17 ноября 1942 года отменили индивидуальные военные медальоны, хранящие имя солдата. Но и в то краткое время, которое медальон полагался солдату, действовал негласный приказ собирать их с мёртвых и половину сразу уничтожать. Чтобы ужасающее количество потерь не деморализовало армию и мирное население, чтобы, пусть и таким путём, поддерживать дух сопротивления врагу. Огромные потери несла и немецкая сторона, рассчитывавшая на блицкриг. Но их отношение к своим погибшим не менялись на протяжении всей войны: обязательные жетоны на погибших, фотофиксация кладбищ и могил своих солдат, точные схемы расположения и реестры захоронений. Эта система была у них с начала Первой мировой войны, она позволила им составить поимённые списки почти всех погибших солдат с начала века и карты точных мест их захоронений.

Как только наши фронты передвинулись на территории других государств, был разработан и введён новый порядок захоронений. И этот приказ наркома обороны № 023 (1944 г.) впервые за всю историю СССР был

обращён к человеку — он предписывал устанавливать на могилах погибших памятники, указывать воинские звания, имена и даты гибели. Но все эти предписания зачастую искренне и добровольно исполняли уже жители европейских стран в благодарность за освобождение от немецкой оккупации. О наших похоронных командах есть разные воспоминания — от хороших до самых ужасающих. То, что последние несомненно были (чаще всего в них попадали штрафники из уголовников), убедиться может всякий, кто хотя бы раз побывает на современных похоронах и станет свидетелем циничного ритуального сервиса.

Не прошло и года после окончания войны, как в СССР на государственном уровне развернулась работа по выявлению и благоустройству захоронений. Но как это делалось! «Постановление Совнаркома от 18 февраля 1946 года предписывало до 1 июня 1946 года (т. е. за три месяца! — *О. Н.*) взять на учёт существующие военные кладбища, братские и индивидуальные могилы погибших воинов, офицеров, генералов Красной Армии и партизан; до 1 августа 1946 года провести необходимые работы по благоустройству военных кладбищ, братских и индивидуальных могил. Индивидуальные могилы, находящиеся за пределами населённых пунктов, по возможности перенести на ближайшие военные и гражданские кладбища или объединить в отдельные братские могилы. Вменить в обязанность местных органов проведение текущих работ по благоустройству и по содержанию их в порядке». «Показатели были внушительными: тысячи разбросанных по стране одиночных и братских могил были враз „благоустроены“. На самом же деле с них снесли скромные фронтовые памятники. Заодно смели и могильные холмики. Нет могил — нет проблемы. Взамен появились символические районные захоронения с помпезными обелисками и, что самое ужасное, — безмянные» (цит. по: Н. Головкин. «Пока не захоронен последний солдат», gusskie.org).

Безмянный солдат — эта фраза и стала символом нашей постыдной теплохладной памяти. О «безмянном» складывались песни, снимались фильмы, писались книги. «Безмянному» ставились помпезные и огромные памятники, зажигали вечный огонь. Родные могли приехать к огромному списку, отыскать фамилию погибшего родственника на дорогом граните. Но и только. Персонифицированные могильные холмы, конечно, ещё оставались, но как ничтожно было их количество по сравнению с числом погибших. В целом по стране было 750 тысяч разных воинских захоронений (в основном — братские могилы). К славной дате, 65-летию Победы, о которой трубили все СМИ, ради которой велась глумливая акция с Георгиевской лентой, а на помпезный парад потрачено 120 с лишним миллионов рублей, — осталось лишь 30 тысяч таких захоронений. А на полях бывших сражений лежат не захороненными останки **1 миллиона 290 тысяч воинов**. «Парадных» денег хватило бы, чтобы отдать, наконец, должное каждому мёртвому и каждому живому. Но куда легче возвести очередного бетонного идола и назначить этот кенотаф местом неживой памяти и безнадежной скорби о пропавших без вести, которых никогда не найти.

Но и это ещё не все цифры, реальные размеры забытого нами поразят любое воображение. Где могилы 333 тысяч советских воинов, погибших за

105 дней советско-финской войны (1939–1940)? Сохранились ли на Дальнем Востоке могилы тех солдат, которые в 1945 году воевали против Японии? А что нам известно о захоронениях воинов-интернационалистов, как принято было называть тех военнослужащих, которых посылала страна воевать в «братские» страны? Китай, Корея, Вьетнам, Куба, Алжир, Мозамбик, Эфиопия — далеко не полная география мест, где остались русские военные могилы. Вряд ли они сохранены, вряд ли кто знает имена навеки оставшихся в чужой земле. Впервые погибших солдат-интернационалистов стали вывозить «с поля боя» домой во время войны в Афганистане (1979–1989), в которой погибло более 15 тысяч человек. На общих кладбищах появились участки афганских воинов-интернационалистов. Но так и не сложилось до сего дня ни одного военного кладбища, какие были в исторической России, какими замышлялись братские кладбища Первой мировой войны, или подобно американскому Арлингтону, неизменно хранящему покой своих воинов с XIX века и по сей день. Военные кладбища есть в каждой стране, нет его только у славного русского воинства, и нет связующего звена памяти и надежды на то, что «в чадах к Родине любовь зажгут отцов могилы!» (В. А. Жуковский).

Не устраивались и отдельные кладбища ветеранов ВОВ, умерших от ран и болезней. Их хоронили на общих кладбищах по месту проживания. Если поисковые группы находили где-то останки бойца и устанавливали его имя, то извещённые родственники, как бы далеко они ни жили, ехали на похороны в то место. Советскому человеку и в голову не приходило потребовать привезти останки в родной город или село, чтобы дорогая могила была рядом, ухожена и посещается многие годы. Не было подобного прецедента на небольшом отрезке советской эпохи. Такой разрыв: могила — в европейской части страны, родственники — в Сибири — обрекал её на скорое запустение и исчезновение. Как и лазаретные кладбища в зауральских, сибирских, среднеазиатских городах и сёлах. Уже к 60-м годам XX века многие из них совершенно исчезли. Будто и не было. К 30-летию победы начался новый приступ официальной памяти и новый приступ на последние сохранившиеся могилы. Вновь устраиваемые мемориалы по планам партии не совпадали с могильными холмами, и тогда могилы с «животворящей святыней» — прахом солдат-победителей, умерших от ран, — заравнивались бульдозером. Как это случилось в Красноярске (и в нём ли одном?), можно узнать из книги О. П. Аржаных «Что в имени тебе моём...». Она рассказывает, что парадный мемориал, мраморные плиты которого уложены вдоль кладбища, является муляжом, а могилы солдат остались под тротуарными плитами, по которым ходят люди (!). Кроме того, на прилегающей к Мемориалу территории Троицкого кладбища есть много безымянных могил (братских и отдельных) участников войны, которые находятся без внимания. Ольга Павловна называет цифры: 11 братских могил и 432 отдельных захоронения...

А как непримечательны были эти оторванные от родных мест могилы! Серые деревянные полусгнившие тумбочки с железными проржавевшими звёздочками в наверху, едва различимые буквы и цифры в надписи, еле заметный холмик, одинокий выцветший бумажный цветок, положенный

кем-то чужим при виде столь горькой картины забвения. Сбывалось то, что и должно было: вы забыли, и вас забудут, вы разрушили чужую могилу, и вашу разрушат...

Почему так сложилось? В этой войне Советский Союз понёс неисчислимые человеческие потери, огромная часть страны была разрушена, невероятное напряжение тыла унесло большинство работоспособного населения. Это коснулось почти каждой семьи, и такое не забывается. Но прошло полвека, и почти не осталось могил, всё поросло диким бурьяном, с постаментов срезаны металлические части надгробий, памятные доски и таблички, ржавеют и ветшают гигантские мемориалы. Количество найденных, сохранных могил, захоронений останков, пролежавших до наших дней без надлежащего погребения (Мясной Бор и другие), — всё это умещается в такую скромную цифру, что её называть горько. Она свидетельствует о том, что ни кровь, ни родство, ни сама жизнь не свята для грядущих поколений. Проще было устроить несколько гигантских мемориалов, поставить безымянные памятники в каждом населённом пункте, чем начать повсеместную нелицемерную всенародную акцию захоронения всех до единого павших героев — ведь «никто не забыт и ничто не забыто», ведь «под каждой могильной плитой лежит всемирная история» (И.-В. Гёте).

4.

Покажите мне кладбище, и я скажу, что вы за народ! — сказал мудрец. Сегодня, в какое селение нашей родины ни приди, всюду откроются печальные картины небрежения, запустения и забвения. Кладбища — скученные до невозможности, похожие на коммуналки для мёртвых, заставленные усечёнными и несоразмерными памятниками, украшенные неживыми цветами, — более напоминают свалки. При взгляде на этот хаос не возникает мысли о вечном покое, как подобало бы от века этому месту. В Санкт-Петербурге напротив огромнейшего (самого большого в Европе) Южного кладбища высятся две горы (самой большой в Европе) Южной свалки. Горы мусора мешают даже самолётам, пулковский аэропорт вынужден переставить локаторы. Между свалкой и кладбищем по Волхонке изредка пролетают президентские кортежи. Бредущие с неё бомжи в экзотических нарядах, увешанные трофеями, толкают невообразимые тележки с добычей. Многочисленные стаи птиц (как в фильме ужаса) кружатся над свалкой в поисках пищи. Чуть ниже парят разноцветные пластиковые пакеты, усеявшие всё вокруг. И за километры — стойкий отвратительный запах, который сразу вызывает спазм. Свалка занимает 75 гектаров, и она будет расширяться.

Напротив — мёртвая, плоская, шелестящая искусственными цветами долина кладбища, уходящая за горизонт, — не лес, не сад и «не роща соловьиная». Перед входом длинные торговые ряды, на которых в основном бумажные и пластиковые цветы для украшения могил, чтобы они тут же стали похожими на свалку. Вдоль ограды кладбища — бесконечные малые мусорные горки, где свалены те же венки и прочее невообразимое и не нужное мёртвому, приносимое на кладбище живыми. Все их усилия — в

пользу огромной горы торжествующего мусора. Такое соседство есть почти в каждом большом городе. А самое удивительное, что оно ни у кого не вызывает неприятия, возмущения и сопротивления. Ежедневно расширяется кладбище у подножия огромной горы мусора.

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украстить её предстоит...*

А. Ахматова

5.

Но даже и столь непритязательные кладбища со всех сторон обступают различные промышленные корпуса, по их территории может пройти федеральная трасса, устроится стадион, — т. е. по-прежнему не защищены права мёртвых на последний приют. Что будет с таким «вечным покоем» через десяток-другой лет, нетрудно предположить. Большие города всюду одинаковы. Им мало места в перенаселённой европейской части, что как-то оправданно. Но им не хватает его и в бескрайней, как недавно всем нам казалось, Сибири. Славный город Иркутск стоит на двенадцати своих исторических кладбищах. И поблизости от него ушли на дно водохранилища несколько сельских кладбищ, настоящего перезахоронения с которых в пылу горячих строек, конечно же, не было. Там, глубоко под водой, остались навсегда могилы двух исследователей-орнитологов, на беду свою увлекшихся декабристскими идеями, — братьев Борисовых. Через эти рисунки, тончайшие и подробнейшие, на которых запечатлены сотни птиц, растений Забайкалья, они будто придвинулись к нам, живущим веком позже. Ведь птицы, которых они рисовали в XIX веке, прилетают и по сей день к окнам музея, хранящего акварели Борисовых уже в XXI веке.

Томск, Омск, Екатеринбург, Новосибирск и другие мощные сибирские города тоже давно потеряли свои старые кладбища. На месте их, на костях и биографиях сынов Отечества, — элитные застройки, необходимейшие заводские корпуса, частные автомойки и заправки, в «лучшем случае» — парки и скверы с различными аттракционами и увеселительными заведениями. Город Барнаул утратил могилу своего знаменитого земляка, известного во всём мире изобретателя парового двигателя Ивана Ползунова. Город Омск — могилу И. Д. Бухольца, сподвижника Петра I, офицера Преображенского полка, строителя и коменданта Омской крепости, с которой и начался город. Город Тобольск кое-как успел к последнему акту глумления над могилой старца Фёдора Кузьмича (студенты пединститута устроили в разрушенной часовне нужник) сохранить остатки мощей. Казалось бы, какая нужда могла заставить в столь необъятных просторах притеснять кладбища, ведь неизмеримые пространства вокруг могли бы привести к мирному соседству с мёртвыми. Но мёртвые в качестве соседей никому не нужны, «цивилизация не любит могил», — отмечал философ Н. Бердяев, имея в виду, прежде всего, оставленную советскую родину.

Что теперь будет с русскими кладбищами в бывших некогда братских республиках, к которым зачастую уже и нет доступа, а иных и вовсе нет — кончилось советское братство, стираются русские кресты и имена с чужой земли? Лагерные кладбища и вовсе печальная история. Сколько судеб навеки уже скрыто в исчезнувшем архипелаге ГУЛАГ. Не было ни записей, ни карт лагерных кладбищ и даже имён на коротких деревянных столбиках — номера и только. А сколько на них упокоилось светлых мучеников веры, простых крестьян, поэтов, писателей, учёных, военных — всех тех, кто и был русским народом, частью его истории и культуры.

Время забвения продолжается. В 1995 году забайкальский журналист Юрий Баженов проехался по БАМу (байкало-амурская знаменитая магистраль), по местам, где стояли БАМлаг и Бурлаг, то есть трассы на костях, и вот что он пишет: «В 30-х годах, когда зимой отсыпали трассу, люди умирали, а хоронить их было негде. Специально землю не долбили. Тела просто укладывали в насыпь и засыпали. Поэтому поезд идёт практически по телам. Почти вся трасса — одна сплошная могила. Мне рассказали также, что на семидесятом километре от Ургала в сторону Комсомольска, где проходит Дуссе-Алинский тоннель, было несколько лагерей, заключённые которых строили этот тоннель... У меня было огромное желание поехать туда и своими глазами посмотреть, что там происходило и какие свидетельства остались. Мы там побывали, приняли решение поставить памятный крест... Строители БАМа, которые туда пришли в 1974 году, рассказывали, что на склонах сопок, где было лагерное кладбище, они находили колышки с шестизначными номерами. Потом, чтобы скрыть все свидетельства, бульдозером все кладбища сгребли в одну кучу... А там, вы не поверите, даже камни красные. Это не результат окисления или другого природного явления. Если такой камень перевезти оттуда, то он теряет красный оттенок. Но там, где было пролито столько крови, даже камни краснеют...»

Камни краснеют... Тысячи и тысячи людей вычеркнуты из жизни и истории, но оставшиеся в живых могут хотя бы частично исправить эту несправедливость: воздвигнуть крест на месте заброшенной могилы, восстановить забытое имя, отыскать пропавшего без вести. «Всё уже и так живёт в нашей памяти, — напоминает нам Августин Блаженный, — и мы вольны помнить это или предать забвению». Как и избрать форму будущего захоронения. Вопрос лишь в том, захотят ли жители Нового Времени следовать старой традиции или столь горький опыт и прогрессивные идеи продиктуют другой выбор: крематорий, необременительная горстка пепла, кресты и могилы лишь на старых фотографиях.